

3'18 Новое литературное
обозрение

теория и история
литературы, критика
и библиография

151

в разделе

Ксения Черкаева

Достоинство личности как личная собственность: Метаморфоза российских законов о порочащих сведениях

(Гарвардский университет; стипендиат Академии международных и локальных исследований; PhD)
Xenia A. Cherkaev (Harvard University; academy scholar, Academy for International and Area Studies; PhD)
xenia.cherkaev@gmail.com

Ключевые слова: юридическая защита достоинства, реформы Хрущева, моральный облик, клевета, товарищеские суды

Key words: juridical protection of dignity, Khrushchev's reforms, civic morality, slander, comrades' courts

УДК/UDC: 34(091)+347.1+304+94(470)

Аннотация: Статья рассматривает историю российских законов, защищающих достоинство и честь. Дореволюционные правоведы полагали, что юридическая защита нравственного достоинства личности невозможна, ибо не общество, а лишь сам человек может уронить его. Но когда Моральный кодекс строителя коммунизма прописал основы нравственности, закон взял моральный облик и достоинство граждан под защиту в числе прочих нематериальных личных благ. С распадом СССР Моральный кодекс исчез, а защита «чести и достоинства» осталась: сегодня закон

определяет достоинство как «морально-правовую категорию», соответствующую общепринятым социальным стандартам.

Abstract: This article examines the history of Russian laws protecting citizens' dignity and honor. Pre-revolutionary Russian legal scholars assumed that ethical dignity could not be legally protected because it was not contingent on social esteem: it could be tarnished only by the bearer himself. But when the Moral Codex of the Builder of Communism outlined the norms of morality, the law extended its protection to citizens' ethical dignity, among their other immaterial personal values. The Moral Codex disappeared after the Soviet collapse, but the legal protection of "honor and dignity" remained: today, the law defines dignity as a "moral-legal category," determined by commonly accepted social standards.

Xenia Cherkaev. Personal Dignity as Personal Property: Metamorphosis of Russian Laws Concerning Defamation

1. Что такое достоинство?

Понятие «человеческое достоинство» в наше время чрезвычайно широко задействовано не только в глобальной политике, но и в локальных трениях людей друг с другом и с властями. Вступаясь за униженное достоинство, обмениваются нотами протеста и накладывают экономические санкции, организуют уличные и кабинетные революции, судятся и скандалят, требуют уважения к своему и чужому достоинству. Проследив историю понятия «человеческое достоинство» в Декларации прав человека (1948), историк европейской политико-юридической мысли Сэмюэл Мойн относит новизну этого термина к ирландской конституции 1937 года и настаивает на его католических корнях. В описании Мойна «достоинство» видится в исключительной ценности каждого человека, возвышенного в Божие сыновство. Такое возвышение каждого из множества противопоставляется обезличиванию людей «тоталитарными» системами, сливающимися обособленные личности в безликие народные массы [Moyn 2014]. Существуют и другие определения. Чарлз Тейлор, например, использует термин «достоинство» для того, чтобы описать те нравственные стандарты, которые отличают социальное поведение человека от поведения животных. Согласно этой теории, только человек способен испытывать стыд, позор и утрату достоинства, осознавая, что его поведение не соответствует социальным нормам, которые негласно выстраиваются в обществе, в том числе им самим [Taylor 1985].

Эти два подхода к пониманию сути достоинства требуют рассматривать это понятие с двух диаметрально противоположных точек зрения. Чтобы осмыслить то «человеческое достоинство», которое в равной мере присуще всем представителям Homo sapiens, необходимо оценивать людей вне их

социальных взаимоотношений друг с другом: с точки зрения Бога-Творца, например (или с высоты ООН). Одним словом, с такой точки зрения, с высоты которой всех без исключения людей можно объединить в одну обобщающую категорию. А чтобы распознать то нравственное достоинство, о котором пишет Тейлор, надо принять индивидуальную точку зрения каждого в отдельности человека как субъекта действия в коммуникациях с окружающим его социумом, в котором он может или обрести достоинство, или его утратить.

Мое исследование истории термина «достоинство» в его юридических определениях вырастает из анализа плановой экономики позднего Советского Союза. Предметно исследуя этические цели, ради которых советские люди оправдывали нарушения трудовой дисциплины, я впервые обратила внимание на то, что советские законы защищали достоинство граждан совершенно иначе, чем Декларация прав человека. Советская юриспруденция защищала не только достоинство, которым все представители человечества наделены в равной мере, но и достоинство личности, описанное Тейлором!

В позднесоветском юридическом поле такому этическому достоинству можно было дать достаточно четкое определение, позволявшее советским судам взять под защиту право граждан на «должную общественную оценку» [Иоффе 1962: 65]. Наличие достоинства у советского человека обеспечивалось тесной взаимосвязью имущественных прав и общественной этики. Но когда эта взаимосвязь была разорвана крушением системы социалистического хозяйства, контуры юридических определений достоинства личности утратили четкие очертания. Сегодня российские законы защищают «честь и достоинство» граждан, но юридические дефиниции часто смешивают два типа достоинства в один парадоксальный термин. Так, Большой юридический словарь 2007 года определяет достоинство следующим образом:

...1) морально-нравственная категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности. Д. — неотъемлемое свойство человека как высшей ценности, принадлежащей ему независимо от того, как он сам и окружающие его люди воспринимают и оценивают его личность. <...>

2) стоимость, ценность денежного знака [Сухарев 2007: 213].

Второй пункт предельно прост и лаконичен, он не вызывает замешательства. Именно в этом определении «достоинство» встречается еще в Уголовном уложении 1903 года, в нескольких статьях, регулирующих выпуск и распространение ценных знаков (бумаг, монет, пломб и т.д.). Но к первому пункту есть вопрос: как может «морально-нравственная категория, означающая *уважение и самоуважение* человеческой личности», принадлежать человеку «*независимо от того, как он сам и окружающие его люди воспринимают и оценивают его личность*»?

Это противоречие вызвано совмещением тех двух разных определений достоинства, с которых я начала статью. В один пункт словарного определения

помещены «человеческое достоинство» в смысле объективной ценности всех представителей вида *Homo sapiens* и «достоинство личности» в смысле общественной значимости одного отдельно взятого человека. Оба этих определения действительны в современной российской юриспруденции. Уголовный кодекс РФ запрещает пытки, физические издевательства и другие посягательства на достоинство человека, указывая, что наказания «не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ст. 7). И этот же кодекс запрещает клевету — «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» (ст. 128).

Дореволюционное Уголовное уложение тоже запрещало клевету. Но показательно, что правоведы того времени настаивали на том, что закон в силе защитить только внешние проявления социального статуса человека, но не его нравственную самооценку. Так, например, «Редакционная комиссия по составлению уложения 1903 г.» замечает, что

такая (субъективная) честь, соответствующая понятию оценки лица в глазах его собственной совести, не доступна для нападений извне, для оскорбления; она разрушается только самооценкою лицом своих поступков, наклонностей, даже помыслов, сознаванием безнравственности своего поведения [Добрянский 1904: 142].

Закон воспрещал людям распространять заведомо ложные сведения и оскорблять других людей, но он не претендовал на способность защитить субъективно-нравственное внутреннее достоинство субъекта от несправедливой общественной оценки.

В правоведческой литературе того времени различие между объективной и субъективной оценкой «чести и достоинства» очень важно. Это различие четко отделяло публичную сферу, в которой закон был способен защитить социальную оценку истца от заведомо ложных порочащих сведений, от сугубо частной, внутренней нравственной сферы человека, над которой закон не был властен. «В литературе почти не возникает разногласия по вопросу о том, может ли честь в субъективном смысле быть объектом посягательства», — пишет в 1910 году Н.Н. Розин и поясняет:

Ответ на тот вопрос может быть только отрицательный. Окруженный величайшим почетом человек может не обладать нравственным характером и сознанием своего действительного нравственного достоинства, и наоборот, обреченный на позор — может носить в душе непоколебимую

нравственную силу. Казненный на позорном кресте Христос — величайший образец этого противоречия условного и общественного позора и действительного, но непонятого нравственного величия. Ни величайшая обида, ни самая тяжелая и опасная клевета не в состоянии отнять это внутреннее достоинство или поколебать его. Оно умалется и колеблется лишь собственными действиями, даже, быть может, желаниями и мыслями индивида, в которых содержится измена моральному принципу, нарушение морального долга [Розин 1910: 129].

Дореволюционный юридический дискурс рассматривал клевету исключительно как вопрос уголовного права: запрет на распространение заведомо ложных сведений, способных опорочить честь другого лица, соседствовал с запретами на убийство, грабеж и насилие. Но в новом социалистическом государстве вопросы клеветы вошли и в сферу влияния Гражданского кодекса: распространив имущественное право на обладание морально-нравственным статусом, новые законы взяли под защиту «честь и достоинство» советских граждан. Под защитой закона оказалась не только объективно видимая честь советского человека, но и его морально-нравственная самооценка. Но прежде чем в гражданское право вошли такие новшества, должны были в корне измениться юридические определения собственности, а именно должна была возникнуть новая форма имущественных отношений.

2. Личная собственность и социалистическая мораль

В поздней Российской империи (как и в Российской Федерации сегодня) права собственности регулировались гражданским правом. Системы гражданского права основаны на праве римском и обычно утверждают право собственности совокупностью прав распоряжения (*usus*), пользования-выгоды (*fructus*) и владения (*abusus*). Так, Свод законов 1832 года определял право собственника как право «владеть, пользоваться и распоряжаться» имуществом «вечно и потомственно», «исключительно и независимо от лица постороннего». Первый Гражданский кодекс РСФСР, Кодекс 1922 года, также утверждал, что «собственнику принадлежит в пределах, установленных законом, право владения, пользования и распоряжения имуществом». Но в 1936 году Сталинская конституция фактически расплела эту триаду, объявив социалистическую собственность «священной и неприкосновенной основой

советского строя», а всех покушающихся на эту основу — врагами народа. Объявив государственную монополию на право владения социалистической собственностью, конституция заложила фундамент нового гражданского права, в котором институт «личной собственности» заменил собственность «частную».

На беглый взгляд, личная собственность похожа на частную: закон гарантирует гражданам право их личную собственность продавать и покупать, пользоваться ею, передавать ее по наследству. Но правовая суть юридических определений частной и личной собственности в корне различается: личная собственность не может быть отделима от социалистической, как частная отделяема от общественной (публичной). Она является составляющей частью всеобщей хозяйственной системы социалистической собственности. Учебник гражданского права 1936 года объясняет:

При социализме личная собственность представляет собой ту часть общественного продукта, которая поступает в индивидуальное распоряжение граждан в соответствии с количеством и качеством их труда в социалистическом хозяйстве. Таким образом, личная собственность трудящегося неразрывно связана с социалистической собственностью на средства производства <...> она является выражением все большего роста социалистической зажиточности трудящихся, прямо вытекающей из роста богатств нашей социалистической родины [Рубинштейн 1936: 42—43].

Иными словами, если ваша частная собственность принадлежит вам «исключительно и независимо от лица постороннего», то личная собственность вам принадлежит только как честно заслуженная часть всеобщей собственности социалистической. Учебник 1940 года:

Источником личной собственности является социалистический труд. Каждый советский гражданин, работает ли он на фабрике или заводе, в колхозе, на общественной или государственной службе, — участвует в социалистическом производстве, и это его участие в общественном социалистическом производстве является источником его личной собственности [Вильнянский 1940: 72].

В отличие от либеральных рыночных систем, где государство только гарантирует правила экономической игры, социалистическая экономическая система задавалась целью планового развития самого общества и регулировала имущественные отношения, руководствуясь логикой ведения единого хозяйства. Учебник 1936 года:

Капитализм не интересуется, не знает и не знает самой проблемы организации экономики страны как единого целого, ибо это противоречит самой природе капитализма. В Советской стране вопросы управления каждым звеном хозяйства, каждой его отраслью представляют собою органическую часть вопросов организации всего социалистического хозяйства. Руководство всем процессом социалистического строительства, т.е. политической и хозяйственной перестройкой общества, неизбежно требует единства политического и хозяйственного руководства, сосредоточенного в руках советского государства и имеющего целью построение бесклассового социалистического общества, развитие и укрепление социалистического строя [Рубинштейн 1936: 13—14].

На практике это единое политэкономическое хозяйство состояло из фрактального множества меньших хозяйств, связанных друг с другом отношениями возможностей и обязательств: лимитов и планов. Каждому хозяйству эти лимиты и планы спускались инстанцией выше. Совет министров с Госпланом устанавливали планы для министерств, министерства — для своих отраслей, те — для своих секторов, секторы — для предприятий, те — для бригад и т.д., ниже и ниже по нисходящей до самого работника-исполнителя. Так в социалистическом хозяйстве *usus*, право распоряжения, распределялось и поручалось вышестоящими хозяйствами нижестоящим вместе с обязанностью распоряжаться этой собственностью правильно.

Однако эта распределительная система была плохо отлажена на практике: распределенные права на освоение ресурсов подчас резко расходились с распределением самих тех ресурсов, за чье правильное расходование и использование хозяйства отвечали. Поэтому работникам этих хозяйств часто приходилось налаживать вопросы лимитов и поставок личной сноровкой и личными связями. «Здравомыслящий советский “бизнесмен” не может верить в сакральность законов», — пишет Берлинер о довоенной системе снабжения. Опираясь на советскую прессу и на множество интервью с бывшими работниками социалистического управления, он замечает: «Управленцу настоятельно рекомендуется проявлять “инициативу” и принимать активные меры для того, чтобы гарантировать поставку ресурсов. Того управленца,

который согласен подать список требований и расслабиться, считают “бюрократичным” и вялым» [Berliner 1957: 222]. В послевоенных интервью с советскими беженцами, собранных Гарвардским проектом по советской социальной системе, часто встречаются воспоминания: «В России без друзей ничего не сделать»[1]; «Часто рабочие просили у меня хлеба. Я им давал, списывал на брак»[2]; «Все держится на ЗИСе: знакомстве и связях»[3].

Над всеми этими записанными воспоминаниями о неписанных правилах работы советской экономики нависает страх НКВД и лагерей. Что неудивительно: террор являлся важным рычагом процесса «социалистического накопления», позволившем государству установить монополию на владение социалистической собственностью [Samraoui 1988; Хлевнюк 2010]. И даже после того, как в 1936 году монополия была узаконена, система террора и подневольного труда не утратила центральную роль в социалистическом хозяйстве. По подсчету Фильцера, к 1947 году МВД имело под контролем примерно 20% общей численности промышленной рабочей силы. И эта цифра почти не менялась даже «с учетом того, что СССР постепенно репатриировал пленных в Германию и Японию. Военнопленные заменялись узниками лагерей, особенно в таких ключевых отраслях, как добыча угля и металлургия» [Фильцер 2011: 40–41].

Систему политического террора и подневольного труда начали реформировать сразу после смерти Сталина. Были пересмотрены громкие политические дела, такие, как «дело врачей» и «дело авиаторов» [Яковлев 1999: 23–24, 18]. Была размонтирована экономическая империя МВД: производственно-хозяйственные организации передали другим министерствам, а исправительно-трудовые лагеря и колонии (за исключением Особых лагерей) — под контроль Министерства юстиции СССР. Были остановлены более 20 масштабных дорогостоящих строек [Кокурин, Петров 2000: 10–11]. И более 1 180 000 человек (чуть меньше половины всех заключенных) вышли на свободу по амнистии [Кокурин, Петров 2000: 435]. К концу 1953 года инициатор этих реформ, Лаврентий Берия, был расстрелян как агент международного империализма. Но реформы уже успели серьезно пошатнуть социалистическое хозяйство. Система принудительного труда трещала по швам, а негласная этика ЗИС (знакомства и связей) оставалась в силе.

Отказ от террора грозил создать серьезные системные проблемы в вопросах социального контроля. Однако серия государственных реформ начала 1960-х контроль удержала, заменив сталинскую двойственность закона и террора новой двойственностью закона и социального давления [Berman, Spindler 1963: 848]. Эти реформы опирались на признание полного единства моральных и политических стремлений всех советских людей. Если в 1936-м социалистическое хозяйство ставило целью «построение бесклассового социалистического общества, развитие и укрепление социалистического строя», то в 1961-м партия объявила, что эксплуататорские классы ликвидированы и классовых разногласий больше нет: «На базе общности

коренных интересов рабочих, крестьян, интеллигенции сложилось нерушимое социально-политическое и идейное единство советского народа» [КПСС 1961: 15].

В выступлениях конца 1950-х Хрущев неоднократно заявлял, что в стране уже «нет фактов привлечения к судебной ответственности за политические преступления» [Хрущев 1959: 103]. Такие заявления были лживыми[4]. Но они интересны тем, что в них проглядывают очертания будущей партийной политической программы, частично переложившей контроль над гражданами с государственного надзора на «общественное самоуправление».

Действительно, один и тот же проступок вполне может быть рассмотрен под разными углами зрения: как политическое уголовное преступление или как антисоциальная, антиобщественная, хулиганская выходка. «Фактов привлечения к судебной ответственности за политические преступления» в стране больше нет, настаивает Хрущев в 1959 году, но «фактов нарушений общественного порядка у нас еще немало, и с ними надо вести решительную борьбу. Разве советская общественность не может справиться с нарушителями социалистического правопорядка? Конечно, может. Наши общественные организации имеют не меньше возможностей, средств и сил для этого, нежели органы милиции, суда и прокуратуры!» [Хрущев 1959: 104].

Третья программа партии, будучи в разработке с 1956 года, была официально принята XXII съездом в 1961 году. Объявив социализм успешно построенным, ТПП прописывает следующую ступень развития: программу строительства коммунизма. Но в каком-то смысле коммунизм уже осязаем — в 1959 году Хрущев заявляет:

Вступление в коммунизм не определено какой-то календарной датой. Не будет такого момента, когда мы захлопнем одну дверь и объявим: «Строительство социализма окончено», — а потом откроем другую и скажем: «Мы пришли к коммунизму». Переход от социализма к коммунизму осуществляется непрерывно. Мы уже теперь открываем дверь в коммунистическое общество, сейчас речь идет о строительстве коммунизма [Хрущев 1959: 94].

Развивая общественные объединения трудящихся и впрягая их в работу социального контроля, ТПП предполагала постепенное преобразование социалистической государственности в «общественное коммунистическое самоуправление». Это самоуправление предполагалось выстроить согласно личным убеждениям граждан, их осознанным моральным требованиям и по единым общепризнанным правилам «коммунистического общежития, соблюдение которых станет внутренней потребностью и привычкой всех людей» [КПСС 1961: 110].

И именно потому, что морально-этические категории не могут быть точно определены, статично закреплены, но постоянно переосмысливаются в обществе, они позволяют общественным организациям распространить социальный контроль за прописанные границы закона. Товарищеские суды (объясняет Хрущев) позволят разглядеть нарушителя

не только когда он уже совершил проступок или преступление, а когда в нем обнаружатся отклонения от норм общественного поведения, которые могут привести его к антиобщественным поступкам. Люди могут на него своевременно воздействовать с тем, чтобы пресечь его дурные наклонности [Хрущев 1959: 104].

Такие «нормы общественного поведения» во многом похожи на этику коллективной взаимовыручки, негласно принятую в системе отношений «знакомства и связей», — на этику ЗИС (хотя к тому времени сам знаменитый завод был уже переименован в ЗИЛ, дабы вычеркнуть имя Сталина со страниц отечественного автопрома). Как объясняет «Справочник агитатора»:

Этические нормы нового общества, его нравственные заповеди изложены в Моральном кодексе строителя коммунизма, который от начала и до конца пронизан идеей коллективизма и гуманизма: человек человеку — друг, товарищ, брат! Это и понятно. Коллективное сознание порождается самой природой социалистического строя, который обеспечивает прочную экономическую и политическую основу коллективизма. Общественный строй социализма не только закономерно порождает коллективизм, но и способствует непрерывному распространению и развитию коллективистского сознания у всех тружеников общества. А это и составляет одну из центральных задач коммунистического воспитания [Морозов 1963: 145].

Так, объединив *цель* социалистического хозяйства и *этику* ЗИС, по негласным правилам которой это хозяйство фактически продолжало существовать, ТПП радикально изменила и социалистическое гражданское право: она возвела этику товарищеской взаимопомощи в ранг государственной цели и объявила гражданское право властным над вопросами не только собственности, но и морали. Новые Основы гражданского законодательства, принятые в том же, 1961 году, взяли под защиту «честь и достоинство» граждан: другими словами, они распространили юридические обоснования законов управления материальной собственностью на нематериальные нравственные сферы. «Метод советского гражданского права определяется его основным предметом

— социалистическими имущественными отношениями, выступающими в стоимостной форме», — пишет О.С. Иоффе в разъясняющей статье 1962 года. «Возникнув, этот метод стал пригодным и для регулирования личных неимущественных отношений, связанных с отношениями имущественными», такими, как, например, авторское право или трудовая репутация. «Впоследствии же выяснилась возможность использовать его также для охраны личных отношений, носящих самостоятельный характер» [Иоффе 1962: 63].

3. Самостоятельный характер советского достоинства

В «Курсе государственной науки», книге, написанной на основе лекций, прочитанных в Московском университете (1861—1868) и лично цесаревичу Николаю Александровичу, Б.Н. Чичерин предупреждает, что разделение народа на высшие и низшие породы

действует унижительно на граждан. Здесь не только возбуждается чувство зависти, но оскорбляются и более благородные свойства человеческой души. Уважение к высокому положению является и политическим и нравственным требованием, когда это положение дается высокими качествами, образованием, заслугами; когда же люди разделяются на высшую и низшую породу единственно по физическому происхождению, то против этого возмущается человеческое достоинство, равное во всех [Чичерин 1898: 164].

В этом определении достоинство как исконное достояние всех людей играет значительную роль и в раннесоветском праве. Чичерин оказался прав, предположив, что «с переходом сословного порядка в общегражданский самое начало чести из сословного превращается в общегражданское. За всеми признается одинаковое человеческое достоинство» [Чичерин 1896: 315]. В уголовных кодексах 1922-го и 1926 годов понятие чести отсутствует, зато в главу «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» помещен целый ряд преступлений: тут соседствуют запреты на убийство, побои и изнасилование, запрет на понуждение к аборт и доведение другого человека до самоубийства, запрет на развращение малолетних и ответственность за неоказание помощи. Среди прочих в Кодексе имеется запрет на клевету и оскорбление. Клевета, т.е. «оглашение заведомо ложного и позорящего другое лицо обстоятельства», тем самым определяется не преступлением против чести,

как было в Уголовном уложении 1903 года (ст. 537), но становится преступлением против *достоинства личности*.

Исчезновение слова «честь» из раннесоветских кодексов вполне объяснимо: слишком уж прямо оно напоминало о сословном разделении общества в недалеком прошлом. Но само его исчезновение мало изменило суть юридических понятий: правоведы 1920-х открыто используют термин «достоинство личности» как советский аналог той «чести», что фигурирует в западноевропейских кодексах. Так же как и их дореволюционные коллеги, они остаются уверены, что закону подвластны посягательства только на внешне видимый статус, но никак не на субъективную самооценку. В 1925—1926 годах в журнале «Вестник советской юстиции» публикуется дискуссия о том, может ли закон защищать от оскорбления «коллективные лица». Может, полагают авторы: поскольку юридическая защита чести никак не связана с личными переживаниями, то она вполне применима и к защите коллективных лиц. «Действительно, ни сфера сознания, ни область чувства, ни воля — не могут служить надлежащим базисом для возведения цельной и устойчивой юридической системы», — настаивает А.Ю. Аншелес. «Этот базис необходимо искать не в изменчивой внутренней сфере психических переживаний личности, а в области более узкой и практической, в существующих общественных отношениях между лицом и окружающими, в социальной ценности и значении этого лица» [Аншелес 1925: 908].

Иными словами, когда клевета впервые стала вопросом защиты достоинства, разделение на объективное проявление социального статуса и субъективную самооценку индивида все еще оставалось в силе: правоведы настаивали на том, что советский закон рассматривает только объективно видимые обстоятельства. Отвечая Аншелесу в следующем номере «Вестника советской юстиции», М.М. Ривкин объясняет:

Наше государство не строит ни свое право, ни свои отдельные органы для защиты тех или иных благ личности, как таковой, а исключительно для защиты социалистического, в период переходного к коммунизму времени, государства.

<...>

Следовательно, понятие оскорбления будет определяться не тем или иным чувством личности или даже какими-либо объективными обстоятельствами, как пытаются разрешить этот вопрос буржуазные теоретики, а отрицанием у личности качеств, представляющих благо для государств [Ривкин 1926: 26—27].

Обратите внимание, как разительно заявление Ривкина отличается от риторики реформ Хрущева: Ривкин настаивает на том, что закон служит не личности, но только благу государства. А Третья программа партии (ТПП), напротив, настаивает на том, что дальнейшее развитие общества приведет к отмиранию государства, которое станет ненужным, как только советская общественность сможет управлять сама собой.

За те сорок лет, что разделяют статью Ривкина и принятие ТПП, социалистическое хозяйство было построено. В этом хозяйстве системы экономических, политических и социальных отношений государства, партии и народа формально объединились в единое целое. К 1936 году программа «социалистического накопления» успешно забрала большую часть материальных ресурсов страны под централизованный контроль государства. «Уже сейчас в нашей стране безраздельно господствуют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность», — объясняет учебник гражданского права 1936 года. «Подавляющая масса населения связана теперь с общественным (государственным, колхозным, кооперативным) хозяйством» [Рубинштейн 1936: 8—9, 14—15]. На основе такой монополии Сталинская конституция установила новую двойственность законов: подчеркивая «устойчивость законов и личных прав в неполитических сферах, но допуская произвол и террор в сфере политики» [Верман 1963: 320]. Главным образом эта устойчивость устанавливала право на материальную личную собственность. Но вскоре она распространилась и на «нематериальные личные блага».

Уже в 1940 году несколько статей в журнале «Советское государство и право» подводят базу для юридического обоснования защиты таких нематериальных личных благ, как право на имя, на авторство и на трудовую честь. Отмечая, что нематериальные личные блага советских граждан проистекают из тех же *трудовых отношений*, которыми граждане зарабатывают личную собственность, авторы заявляют, что советское гражданское право защищает личные блага не «в качестве привеска к буржуазной собственности», а самостоятельно, как отдельное и независимое проявление [Флейшиц 1940: 69]. Поставив труд во главу личных имущественных и неимущественных интересов, правоведы утверждают, что «имя изобретателя, стахановца, поэта, драматического артиста, ученого, наконец, имя каждого трудящегося неотделимо от его репутации, от того положения, которое он заработал в социалистическом обществе своим творчеством, своим трудом» [Агарков 1940: 69]. Эти тексты иногда ставят термин «достоинство» в пару с «честью», но еще не проводят между ними значительных различий: как пишет М.М. Агарков,

в социалистическом обществе понятие о чести лица неотделимо от его трудовой деятельности. Все, что порочит честь человека, порочит его как трудящегося. В практике наших гражданских судов нередко возникают вопросы об охране чести и достоинства советского гражданина. Эти дела

всегда связаны с трудовыми отношениями. Чаще всего дело идет о неправильной, позорящей потерпевшего мотивировке увольнения [Агарков 1940: 69].

В 1940 году в тексте Агаркова «честь и достоинство» фигурируют слитно, как общественное признание статуса, заслуженного честным трудом. А в 1961 году новые Основы гражданского законодательства расширяют такой подход к признанию чести и достоинства советского человека: отныне закон интересуется не только трудовая честь, но также и всесторонняя *моральная оценка личности* гражданина обществом. Признания трудовых подвигов для защиты своего достоинства становится недостаточно! В статье 1962 года Иоффе объясняет, из каких факторов общественной оценки выстраивается моральный статус советского человека:

Честь и достоинство гражданина выражаются только в таких фактах, которые могут быть объектом общественной морально-политической оценки <...>. Такие факты относятся к трудовой деятельности лица, к его поведению в семье, в быту, в коллективе и т.п. Иными словами, только сознательно-волевые поступки, совершаемые человеком как участником определенных общественных процессов и воплощающие в себе его моральный облик, выступают в социалистическом обществе в качестве факторов, которые формируют представления о чести и достоинстве индивида [Иоффе 1962: 65].

И хотя закон охраняет честь и достоинство граждан, он не может четко регламентировать правила, по которым выстраиваются этические стандарты гражданина с образцовым моральным обликом: «Иначе, собственно, и быть не может, поскольку честь и достоинство по своей объективной природе неспособны выступать в качестве объектов какого-либо юридического нормирования» [Иоффе 1962: 62]. Четкие формулировки этических категорий в виде правил и требований, к соблюдению которых мог бы обязать закон, представляются задачей априори неисполнимой. Но приблизительные этические стандарты было совсем нелишним взять на вооружение государства, сделав из них влиятельный инструмент давления.

Развивая программу общественного самоуправления, советский закон впряг общественность в работу морально-политического контроля, вооружив ее неписаными (но подразумеваемыми) стандартами общественного мнения:

Определенное общественное мнение, созданное вокруг разрешенного судом дела и к тому же являющееся не однократной, а постоянно действующей мерой, в состоянии окружить нарушителя такой атмосферой морального осуждения, которая способна превратить для него исполнение судебного решения в действие не просто обязательное, а неизбежное и неотвратимое [Иоффе 1962: 69].

Государственным же судам закон поручил защищать право граждан «на *должную* общественную оценку», опираясь «на точку зрения советского общества в целом» [Иоффе 1962: 69]. Правоведы 1960-х описали сокровенные нравственные сферы человека по юридическим определениям аналогично с личной собственностью. Таким образом, вопрос обладания достоинством переместился из частной сферы в личную, и советские суды получили возможность защитить право граждан на правильную общественную оценку их достоинства. А.В. Белявский в методичке 1966 года пишет:

В отличие от буржуазного общества, нравственная оценка человека зависит у нас не от имущественного положения или происхождения, а от его личных данных, от его заслуг, от того, как выполняет он требования, предъявляемые к нему обществом. Эти требования существуют в виде моральных и правовых норм, правил социалистического общежития. Основные нравственные принципы сформулированы в моральном кодексе строителя коммунизма, который является и нашим кодексом чести. Моральный долг в том, чтобы выполнять эти требования [Белявский 1966: 6—7].

Возвращаясь к буржуазному (дореволюционному) юридическому дискурсу о «моральном долге», правоведы 1960-х вернулись и к важному разграничению между субъективной и объективной оценкой достоинства и чести: «Честь — это определенная социальная оценка гражданина, объективное общественное свойство. Достоинство — отражение этого свойства в сознании его носителя, т.е. самооценка личности, покоящаяся на его оценке обществом» [Братусь 1963: 85]. Обе эти категории были взяты под защиту советским законом.

Для дореволюционных правоведов такая юридическая защита достоинства была невозможна, потому что «внутреннее достоинство» было не сокруσιμο клеветой: как пишет Розин, «оно умалется и колеблется лишь собственными действиями, даже, быть может, желаниями и мыслями индивида, в которых

содержится измена моральному принципу, нарушение морального долга» [Розин 1910: 129]. Однако в 1960-х даже выполнение морального долга переосмысливается из непостижимого «частного» стремления в стремление личное. «За выполнением общественного долга следует общественное признание деятельности человека, — отмечают В.Т. Ефимов и И.Г. Петров в книге “Марксистская этика”, — что в свою очередь повышает уважение человека к самому себе, сознание своего личного достоинства» [Ефимов, Петров 1961: 55—56]. Л.К. Рафиева, защитившая диссертацию под руководством Иоффе, предлагает руководствоваться не только внешне видимыми поступками человека в делах гражданско-правовой защиты чести и достоинства личности, «но и лежащими в основе его поступков мотивами, зависящими от того, руководствуется ли он *сознанием своего долга перед обществом* или лишь страхом перед возможностью ответственности» [Рафиева 1966: 6]. Так достоинство советского человека стало одним из нематериальных благ, защищаемых советским гражданским законодательством. А чтобы мнение общественности в оценке достоинства индивида придерживалось желательного единообразия, общественности вручили унифицированное руководство: Моральный кодекс строителя коммунизма.

4. Советское достоинство без союза

После 1991 года отсылки к Моральному кодексу строителя коммунизма исчезают из юридического дискурса о чести и достоинстве. Их заменяют отсылки к Всеобщей декларации прав человека. Ссылаясь на Всеобщую декларацию, Съезд народных депутатов (1991) принял Декларацию прав и свобод человека, постановившую, что «высшая ценность нашего общества — свобода человека, его честь и достоинство». Современные учебники и методички по гражданской защите нематериальных благ часто ссылаются на обе эти декларации. Так, например, А.Л. Анисимов объясняет в учебном пособии, что «вопрос о защите чести, достоинства и деловой репутации со стороны законодателя — это прежде всего вопрос о правах человека, их реальном обеспечении, о гарантированной государством возможности пользоваться этими правами» [Анисимов 2001: 18]. И этот же учебник сохраняет позднесоветскую этическую сущность достоинства и чести, согласно которой

честь — это общественная оценка личности, определенная мера духовных, социальных качеств гражданина и является таким же благом человека, как его жизнь, здоровье и свобода. <...> Достоинство — самооценка собственных

качеств, способностей, мировоззрения, своего поведения, общественного значения [Анисимов 2001: 9].

Смешение «человеческого достоинства», заимствованного из Декларации прав человека, и позднесоветского этического достоинства приводит к парадоксальным юридическим дефинициям, с которых я начала эту статью: достоинство — это одновременно нечто, «присущее всем членам человеческой семьи» (ООН), и оно же — «морально-правовая категория позитивно-субъективного характера, определяющая оценку собственной личности» [Потапенко 2005].

Парадоксальные и запутанные толкования проистекают из неразрешимой проблемы: права человека опираются на то достоинство, которым все обладают в равной мере. Такое равенство не создает категорий нравственной оценки, которые могли бы быть использованы в судах при рассмотрении исков о защите чести и достоинства. В отсутствие заявленных этических стандартов на что должен опираться суд, определяя, какие именно факты являются порочащими достоинство? Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан» не сильно помогает делу:

Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица [Российская газета 2005].

Не имея морального кодекса, который бы определил, какое именно поведение следует считать «нечестным», «неправильным» и «неэтичным», современные суды вынуждены обращаться к лингвистической и психологической экспертизам. Методички для экспертов такой судебной экспертизы, в свою очередь, объясняют, что «в законе отсутствуют определения правового содержания понятий чести и достоинства. Поэтому судебная практика исходит из их общесмыслового словоупотребления» [Южанинова 2002: 7].

И вот в какой краткой формуле может быть пересказан весь мой длинный исторический обзор:

За минувшее столетие юридический дискурс о нравственном достоинстве совершил полный смысловой разворот — от законов, которые однозначно обходили достоинство стороной, полагая, что оно не может быть поправлено никакой общественной оценкой, до законов, которые защищают достоинство в соответствии с общественными общепринятыми стандартами.

А если в двух словах, то — полный оверкиль.

Библиография / References

[Агарков 1940] — *Агарков М.М.* Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8/9. С. 52—72.

(*Agarkov M.M. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1940. № 8/9. P. 52—72.*)

[Анисимов 2001] — *Анисимов А.Л.* Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: Учебное пособие. М.: Владос Пресс, 2001.

(*Anisimov A.L. Grazhdansko-pravovaya zashchita chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii: Uchebnoe posobie. Moscow, 2001.*)

[Аншелес 1925] — *Аншелес А.Ю.* Об оскорблении коллективных лиц // Вестник советской юстиции. 1925. № 23 (57). С. 907—911.

(*Ansheles A.Yu. Ob oskorblenii kollektivnykh lits // Vestnik sovetskoy yustitsii. 1925. № 23 (57). P. 907—911.*)

[Белявский 1966] — *Белявский А.В.* Судебная защита чести и достоинства граждан. М.: Юридическая литература, 1966.

(*Belyavskiy A.V. Sudebnaya zashchita chesti i dostoinstva grazhdan. Moscow, 1966.*)

[Братусь 1963] — *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963.

(*Bratus' S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava. Moscow, 1963.*)

[Вильнянский 1940] — Советское гражданское право: Учебник для юридических школ / Под ред. С.И. Вильнянского. М.: Юридическое

издательство НКЮ СССР, 1940.

(Sovetskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik dlya yuridicheskikh shkol / Ed. by S.I. Vil'nyanskiy. Moscow, 1940.)

[Добрянский 1904] — *Добрянский А.М.* Оскорбление чести по новому уголовному уложению // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 5. Май. С. 133—204; № 6. Июнь. С. 36—75.

(*Dobryanskiy A.M.* Oskorblenie chesti po novomu ugovnomu ulozheniyu // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1904. № 5. May. P. 133—204; № 6. June. P. 36—75.)

[Ефимов, Петров 1961] — Марксистская этика: Хрестоматия / Сост. В.Т. Ефимов и И.Г. Петров; общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Шишкина. М.: Издательство Института международных отношений, 1961.

(Marksistskaya etika: Khrestomatiya / Ed. by V.T. Efimov, I.G. Petrov, and A.F. Shishkin. Moscow, 1961.)

[Иоффе 1962] — *Иоффе О.С.* Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. Т. 32. № 7. С. 59—71.

(*Ioffe O.S.* Novaya kodifikatsiya sovetskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva i okhrana chesti i dostoinstva grazhdan // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1962. Vol. 32. № 7. P. 59—71.)

[Козлов, Мироненко 2005] — Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев / Отв. ред. В.А. Козлов и С.В. Мироненко. М.: Материк, 2005.

(*Kramola: Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve* / Ed. by V.A. Kozlov and S.V. Mironenko. Moscow, 2005.)

[Кокурин, Петров 2000] — *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917—1960. М.: Международный фонд «Демократия», 2000.

(*Kokurin A.I., Petrov N.V.* GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey), 1917—1960. Moscow, 2000.)

[КПСС 1961] — Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госпланиздат, 1961.

(*Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza.* Moscow, 1961.)

[Морозов 1963] — Справочник агитатора / Под ред. М.А. Морозова. М.: Госполитиздат, 1963.

(*Spravochnik agitatora* / Ed. by M.A. Morozov. Moscow, 1963.)

[Потапенко 2005] — *Потапенко С.* Правовая позиция Верховного Суда РФ по диффамационным спорам // Верховный Суд Российской Федерации. 2005 (test.vsrfl.ru/print_page.php?id=2601 (дата обращения: 04.04.2018)).

(*Potapenko S.* Pravovaya pozitsiya Verkhovnogo Suda RF po diffamatsionnym sporam // Verkhovnyy Sud Rossiyskoy Federatsii. 2005 (test.vsrfl.ru/print_page.php?id=2601 (accessed: 04.04.2018)).)

[Рафиева 1966] — *Рафиева Л.К.* Гражданско-правовая защита чести и достоинства личности в СССР: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Л.: ЛГУ, 1966.

(*Rafieva L.K.* Grazhdansko-pravovaya zashchita chesti i dostoinstva lichnosti v SSSR: Synopsis of PhD dis. Leningrad, 1966.)

[Ривкин 1926] — *Ривкин М.М.* Еще несколько слов об оскорблении коллективных лиц // Вестник советской юстиции. 1926. № 1. С. 26—27.

(*Rivkin M.M.* Eshche neskol'ko slov ob oskorblenii kollektivnykh lits // Vestnik sovetskoy yustitsii. 1926. № 1. P. 26—27.)

[Розин 1910] — *Розин Н.Н.* Об оскорблении чести: Уголовно-юридическое исследование. Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1910.

(*Rozin N.N.* Ob oskorblenii chesti: Ugolovno-yuridicheskoe issledovanie. Tomsk, 1910.)

[Российская газета 2005] — Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3, г. Москва «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005. 15 марта (rg.ru/2005/03/15/verhovniy-sud-dok.html (дата обращения: 04.04.2018)).

(Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii ot 24 fevralya 2005 g. № 3, g. Moskva «O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits» // Rossiyskaya gazeta. 2005. March 15 (rg.ru/2005/03/15/verhovniy-sud-dok.html(accessed: 04.04.2018)).)

[Рубинштейн 1936] — *Рубинштейн Б.М.* Советское хозяйственное и гражданское право: Учебник для юридических школ и пособие для вузов. М.: Советское законодательство, 1936.

(*Rubinshteyn B.M.* Sovetskoe khozyaystvennoe i grazhdansкое право: Uchebnik dlya yuridicheskikh shkol i posobie dlya vuzov. Moscow, 1936.)

[Сухарев 2007] — Большой юридический словарь / Ред. А.Я. Сухарев. М.: Инфра-М, 2007.

(Bol'shoi yuridicheskiy slovar' / Ed. by A.Ya. Sukharev. Moscow, 2007.)

[Фильцер 2011] — *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм: Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Пер. с англ. А.Л. Раскина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

(*Filtzer D.* Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinism System after World War II. Moscow, 2011. — In Russ.)

[Флейшиц 1940] — *Флейшиц Е.А.* Личные права в гражданском праве СССР и капиталистических стран // Советское государство и право. 1940. № 7. С. 57—74.

(*Fleyshits E.A.* Lichnye prava v grazhdanskom prave SSSR i kapitalisticheskikh stran // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1940. № 7. P. 57—74.)

[Хлевнюк 2010] — *Хлевнюк О.В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

(*Khlevniuk O.V.* Khozyain: Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury. Moscow, 2010.)

[Хрущев 1959] — *Хрущев Н.С.* Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы // Внеочередной XXI Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 года: Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959. С. 12—120.

(*Khrushchev N.S.* Kontrol'nye tsifry razvitiya narodnogo khozyaystva SSSR na 1959—1965 gody // Vneocherednoy XXI S'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. 27 yanvarya — 5 fevralya 1959 goda: Stenograficheskiy otchet. Vol. 1. Moscow, 1959. P. 12—120.)

[Чичерин 1896] — *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: В 3 т. Т. 2. М.: Типо-литография товарищества «И.Н. Кушнерев и Ко», 1896.

(*Chicherin B.N.* Kurs gosudarstvennoy nauki: In 3 vols. Vol. 2. Moscow, 1896.)

[Чичерин 1898] — *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: В 3 т. Т. 3. М.: Типо-литография товарищества «И.Н. Кушнерев и Ко», 1898.

(*Chicherin B.N.* Kurs gosudarstvennoy nauki: In 3 vols. Vol. 3. Moscow, 1898.)

[Южанинова 2002] — *Южанинова А.Л.* Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе: Защита чести, достоинства и деловой репутации. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2002.

(*Yuzhaninova A.L.* Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v grazhdanskom protsesse: Zashchita chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii. Saratov, 2002.)

[Яковлев 1999] — Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма Июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Отв. ред. А.Н. Яковлев. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

(Lavrentiy Beriya. 1953: Stenogramma Iyul'skogo plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty / Ed. by A.N. Yakovlev. Moscow, 1999.)

[Berliner 1957] — *Berliner J.* Factory and Manager in the U.S.S.R. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957.

[Berman 1963] — *Berman H.* The Struggle of Soviet Jurists against a Return to Stalinist Terror // *Slavic Review*. 1963. Vol. 22. № 2. P. 314—320.

[Berman, Spindler 1963] — *Berman H., Spindler J.* Soviet Comrades' Courts // *Washington Law Review*. 1963. Vol. 38. № 842. P. 842—910.

[Campeanu 1988] — *Campeanu P.* The Genesis of the Stalinist Social Order / Transl. by M. Vale // *International Journal of Sociology*. 1988. Vol. 18. № 1. P. 3—159; № 2. P. 161—165.

[Moyn 2014] — *Moyn S.* The Secret History of Constitutional Dignity // *Yale Human Rights and Development Journal*. 2014. Vol. 17. № 1. P. 39—73.

[Taylor 1985] — *Taylor Ch.* The Person // *The Category of the Person: Anthropology, Philosophy, History* / Ed. by M. Carrithers, S. Collins, and S. Lukes. New York: Cambridge University Press, 1985. P. 257—281.

Эта статья является логическим продолжением серии докладов, ранее представленных мной на конференции ASEEEES в рамках панели «The Concept of Dignity: Russian and Cross-Cultural Perspectives» (2016); на конференции «Достоинство как историческое понятие и центральная категория нашего времени» (2017), организованной «НЛО» и ЕУСПб; и на XVI «Этнографических чтениях» в Этнографическом музее РАН (2017). Я признательна организаторам этих событий и участникам дискуссий за помощь в развитии моего аргумента. Выражаю признательность Harvard Academy for International and Area Studies за оказанную мне финансовую поддержку и искренне благодарю Елену Типикину, Екатерину Видре и Анну Иванову за ценные советы и замечания в процессе моей работы над этим текстом.

[1] Harvard Project on the Soviet Social System. Schedule A. Vol. 33. Case 338 (nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:962324?n=4 (дата обращения: 04.04.2018)).

[2] Ibid. Vol. 27. Case 523 (nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:959080?n=8 (дата обращения: 04.04.2018)).

[3] Ibid. Schedule B. Vol. 4. Case 396 (nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:961727?n=8(дата обращения: 04.04.2018)).

[4] Между 1956-м и 1960 годами более 4600 человек было осуждено за антисоветскую агитацию [Козлов, Мироненко 2005: 36].